

Елизавета Тараненко
~~Halloween~~ Велесова ночь

Велесова ночь
~~Halloween~~

Елизавета Тараненко

НaНoween Велесова нoчъ

«Автор»

2026

Тараненко Е.

~~На~~oween Велесова ночь / Е. Тараненко — «Автор», 2026

Рассказ "на вечер". Случайная ошибка городского парня лишает село Рубежное защиты и в Велесову ночь его захлестывает древняя тьма. Чтобы спасти живых, он и юная Ведающая отправляются вглубь Пограничного бора. Их цель — до рассвета отлить новую Свечу Крови, принеся каждый свою жертву.

© Тараненко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ХЭЛЛОУИН	6
ГЛАВА 2. СМАРТФОН	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Елизавета Тараненко

~~Halloween~~ Велесова ночь

~~Halloween~~Велесова Ночь

ГЛАВА 1. ХЭЛЛОУИН

Дар и проклятие филологов в том, что они больше никогда не смогут читать книги как “простые смертные” – свободно, легко и поверхностно. Пока обычный читатель увлекается будоражащим сюжетом, человек с дипломом литфака спотыкается о скрытые аллюзии, выискивает политический контекст или раскапывает следы древних культур. Со временем это перестает быть просто привычкой копаться в деталях – это становится настоящей деформацией мышления, превращающей любое чтение в археологические раскопки.

Филологи уверенно разбирают старинные предания на цитаты, классифицируют чудовищ и наивно верят, будто надежно заперли мифы на книжных полках. Для них древние сказки – лишь красивый фольклор, погребенный под слоем пыли и типографской краски.

Когда ты учишься на последнем курсе литфака, мечтаешь издать собственный постмодернистский роман и пишешь диплом на тему “Рецепция и трансформация хтонических образов славянской мифологии в прозе Н.В. Гоголя”, вся эта мистическая древность кажется не более чем бутафорией.

Пока эта самая бутафория не является за тобой лично...

Я пишу эти строки спустя год после того, как едва не оставил – трижды – свою Душу в мрачной Нави под селом Рубежное. На моем рабочем столе до сих пор красуется стеклянная рамка с глянцевым, ярко-оранжевым пригласительным билетом на хэллоуинскую тусовку в клубе “Крипта”, которую я так и не посетил. Слово “Хэллоуин”, напечатанное на билете готическим шрифтом, было жирно перечеркнуто ручкой, а над ним размашистым твердым почерком моего деда выведено – “Велесова ночь”.

Дед Всеволод тогда сказал мне:

— Произносимые слова – это не просто сотрясание воздуха, Ярик. Каждое слово оставляет свой ощутимый след в окружающем мире. Но называя древнюю границу чужим именем, ты не обманешь тех, кто за этой границей стоит. Зато ты можешь разозлить тех, кто эту границу охраняет.

Тогда я только посмеялся. Теперь – записываю всё до единого слова уже для вас. Чтобы знали, чтобы помнили, что происходит тогда, когда исчезает последний луч октябрьского солнца... что происходит накануне праздника осенних Дедов.

Все пошло наперекосяк день назад. Мои родители получили звонок, который навсегда изменил привычную мне жизнь. Он поступил из села Рубежное от местного фельдшера – мой дед Всеволод чинил прохудившуюся крышу, и, слезая, оступился, упав и сломав ногу. Перелом был сложным, со смещением, деду наложили гипс, строго-настрого запретив тому часто передвигаться. За стариком нужен был уход: принести дров, натаскать воды из колодца, протопить печь и прочее.

Как назло, родители застряли на крупном строительном объекте в Иркутске и никак не могли приехать. Жребий пал на меня – единственного сына в многодетной семье. В безапелляционном тоне мне было приказано отправляться к деду. Тем более, что моя работа над дипломом не требовала постоянного присутствия в универе, а интернет для работы, хоть и слабый, но все же был в деревушке. Резонно рассудив, что тишина и изолированность от друзей сыграют только на пользу моей дипломной работе, меня тут же подробно проинструктировали, как туда добраться.

Последний раз я был у деда в далеком детстве, таком далеком, что даже воспоминаний не осталось. Чаше он выбирался к нам в город. Но всегда в одни и те же месяцы, что сначала казалось мне странным, но с возрастом вполне объяснимым старческой привычкой. В остальное же время мы все поддерживали с ним связь по сотовому.

В глухое село Рубежное я приехал за несколько дней до конца октября. Приехал злой, измотанный от пятичасовой дороги по сельским ухабам и по уши увязший в жалости к себе.

Если бы родители знали, как сильно я ненавижу эту поездку в тот момент. На Хэллоуин у нас на курсе планировалась грандиозная костюмированная вечеринка. Мы с ребятами арендовали клуб, заказали диджея, и я чертовски сильно рассчитывал там расслабиться. Но обиднее всего было то, что я пригласил на вечеринку Алину, которая мне давно нравилась, и хотел предложить ей встречаться, так сказать, официально. Но вместо этого меня сослали в таежную глушь.

От обиды на вселенскую несправедливость я забрал из города весь хэллоуинский реквизит, который успел закупить для вечеринки и украшения дома: картонную коробку, доверху набитую пластиковыми ярко-рыжими тыквами со светодиодами; пластмассовые вампирские клыки, флаконы с искусственной кровью и черный плащ из полиэстера с багровым подкладом. Я вез все это с собой как своеобразный манифест протеста и думал: “Раз уж вы сослали меня в эту дыру, я устрою свой собственный Хэллоуин прямо в избе. Расставлю по дому и двору тыквы, не поленюсь создать мрачный образ, надену костюм, сделаю фоток и сяду писать главу про гоголевских утопленниц, наслаждаясь созданным антуражем”.

И как бы в ответ на мой настрой Рубежное встретило меня вязким, почти осязаемым туманом. Он выползал из густого соснового бора, граничащего с селом, как серое нечто, пахнущее сыростью, палой листвой и чем-то неуловимо мерзким – то ли тухлыми яйцами, то ли гнилым мясом. Мой старенький хэтчбек натужно гудел, переваливаясь через глубокие ухабы размытой глинистой дороги. Наконец-то я добрался.

Дом деда стоял на самом краю деревни, упираясь добротным сделанным забором прямо в подножие черного непроглядного леса. На слабо светящихся окнах бревенчатой избы красовались резные наличники. Присмотревшись к ним в сумерках, я почувствовал, как по спине пробежал легкий холодок – узоры не были привычными цветочками или деревянным кружевом. На них изобиловали солярные розетки, перуницы, коловраты, сварги и множество перевернутых букв “А” в середине солнечного круга.

За последующие три дня я успел не только рассмотреть поближе все эти славянские символы, но и изрядно намозолить руки. Таскать воду из колодца ведрами, колоть дрова, убирать в хлеву и слушать, как дед кряхтит на своей лежанке, – это было совсем не то же самое, что стучать по клавишам в теплой кофейне, наполненной тихим гулом голосов. Но зато вечером я отрывался “по полной”: пристроившись рядом с жарко растопленной печью, с душистым травяным чаем, обильно подслащенным медом, в руках, я читал дедовские записки и слушал его комментарии по ним. Все важные события, что происходили в селе при его жизни, а также те, о которых рассказывали ему его отец и дед, были тщательно задокументированы.

В одной из старых, потрепанных тетрадей я наткнулся на странную страницу. Она была почти полностью жирно залита фиолетовыми чернилами, словно дед пытался навсегда скрыть написанное от чужих глаз. Но на самом краю, где слой краски оказался чуть тоньше, отчетливо проглядывала размашистая, вдавленная в бумагу надпись: «Я себе этого никогда не прощу». От этих слов веяло такой жутью, что я поспешил закрыть тетрадь. Спросить деда я так и не решился.

В последний день октября дед Всеволод сидел на лавке, вытянув загипсованную ногу. Высокий, с узловатыми кистями рук, которыми он в молодости мог гнуть подковы, с окладистой седой бородой, спускавшейся на грудь, он наблюдал за мной глазами цвета грозового осеннего неба. Смотрел строго и осуждающе. На нем была старая шерстяная безрукавка поверх выцветшей рубахи с красным орнаментом на воротнике.

— Что ты там возишься, Ярик? – глубоким басом произнес он, наблюдая, как я вытаскиваю на середину стола свою коробку. – Время к закату движется, скоро ворота запирать надо.

Я, вновь почувствовав обиду на весь мир из-за упущенной вечеринки, с вызовом доставал из коробки пластиковую оскаленную морду тыквы. Щелкнул тумблером на доньшке, и тыква заморгала ядовито-зеленым светодиодным светом.

— Да вот, дед, праздник устраиваю, — буркнул я, выставляя тыкву на подоконник. — Хэллоуин сегодня. В городе сейчас все мои друзья зажигают на вечеринке, а я тут... хоть какую-то атмосферу сделаю. Здесь как раз декорации подходящие для ужастиков — туман, глушь...

Дед тяжело вздохнул, подтянул к себе костыль и, опираясь на него, приподнялся. Его густые седые брови сошлись у переносицы так плотно, что между ними образовалась глубокая складка. Он молча, не говоря ни слова, подошел к столу и забрал у меня из рук приглашенный билет клуба «Крипта», который я рассматривал, с грустью представляя, как веселье бурлит где-то там, далеко от меня. Взяв ручку, он несколько раз перечеркнул слово «Хэллоуин» и подписал над ним «Велесова ночь».

— Ты, Ярослав, грамоте обучен, книги читаешь, в латыни да в чужих языках ковыряешься, диплом про Гоголя пишешь, а ума, вижу, так и не нашёл, — дед повернулся ко мне, тяжело опираясь на костыль. — Хэллоуин у него. Карнавал. В этот день, внук, не ряженые в двери стучат, а сама тьма. Сегодня грань между мирами истончится до волоска. А сейчас, когда Ведающих да Хранителей все меньше, и того опаснее стало. Люди то и дело в эту ночь сущей с Нави цепляют, да живут потом с ними, сетуя на то, что жизнь враз изменилась в плохую сторону. Произносимые слова — это не просто сотрясение воздуха, Ярик. Каждое слово оставляет свой ощутимый след в окружающем мире. Но называя древнюю границу чужим именем, ты не обманешь тех, кто за этой границей стоит. Зато ты можешь разозлить тех, кто эту границу охраняет.

В этот момент дверь в соседнюю комнату — ту, где дед хранил сушеные корни, травы и старые рукописи — тихо скрипнула. Из полумрака вышла девушка. Травница пришла пару часов назад, принесла деду какую-то мазь для суставов, молча проскользнула в комнату, да так там и осталась.

Если бы меня, как будущего писателя, попросили описать Раду одним словом, я бы выбрал слово «несообразность». Или «нелепость». Ей было от силы лет двадцать, почти моя ровесница. Но держалась она так, будто за плечами у нее был как минимум век тяжелой безрадостной жизни. На ней были грубые армейские ботинки, перемазанные рыжей глиной, черная кожаная косуха с потертыми локтями, а из-под куртки выбивалось длинное, до самых щиколоток, льняное платье с темно-красной вышивкой по подолу, подпоясанное расшитым вручную поясом. Длинная, толстая русая коса была перекинута через плечо, а в больших зеленых глазах читалось такое глубокое, стопроцентное презрение ко мне, что я сразу почувствовал себя провинившимся ребенком.

— Сразу видно — городской. — Последнее слово она произнесла так, будто это было оскорбление. Она даже не посмотрела на меня напрямую, обращаясь только к деду. — Привез мусор из пластмассы. Думает, если нацепит тряпку черную, то станет хозяином ночи. Губы надул, как девка, что на гулянье не пустили. А тут Навь у порога дышит.

— Я, вообще-то, Ярослав, — огрызнулся я, чувствуя, как уши заливают горячая краска. Меньше всего мне сейчас хотелось, чтобы меня отчитывала деревенская девчонка в нелепом наряде. — Студент филологического университета. Моя тема диплома, между прочим, напрямую связана с фольклором. Так что я прекрасно знаю, что Хэллоуин — это древний кельтский Самайн, праздник поминовения усопших и окончания сбора урожая. Древние кельты наряжались в звериные шкуры, чтобы темные силы приняли людей за своих и не трогали. Сейчас же это просто развлекательный маскарад — повеселиться и пощекотать нервы. Так что расслабься.

Рада наконец перевела взгляд на меня — пристальный, тяжелый, оценивающий. Так смотрят врачи на безнадежного больного.

— Кельтский, значит... Умный какой, — она сделала шаг вперед, бросив быстрый, озабоченный взгляд в сторону окон, и в ее волосах тихо звякнули какие-то серебряные подвески.

Я заметил, как при взгляде на густеющие за стеклом сумерки ее пальцы судорожно вцепились в край кожаной куртки. На мгновение в ее глазах промелькнул самый настоящий страх перед подступающей темнотой.

— А знаешь ты, что из дома никто носу не казал в эту ночь? — продолжила она, стараясь вернуть голосу прежнюю твердость. — Наряжались, огонь тушили, да в доме запирались и никому не открывали, не то, чтобы по улице блуждать. Словами, значит, сыпешь, а силы их не знаешь. У кого Самайн, у кого Хэллоуин, а у нас Велесова ночь наступает...

— Не надо, Рада, не готов он еще. Не справится, — дед Всеволод тяжело покачал седой головой, и в его голосе прозвучало горькое сомнение. Он посмотрел на меня с тоской, словно на обреченного. — Мягок он телом и духом. Сломается на первом же испытании.

— Раз попал сюда в эту ночь — значит, пора пришла, — отрезала девушка и продолжила, обращаясь ко мне. — Ты для Рубежного слишком изнеженный, парень. Ручки мягкие, от топора вон уже мозоли водяные. Но, видимо, Боги порешили, что настало время твоей проверки. Знай же, что дед твой, один из немногих оставшихся Хранителей, защиту от Навых тварей держит. И тем тяжелее это бремя, чем меньше Хранителей становится. Старым дедам приходится с возрастом менять мерность, а молодые сыны да внуки отмахиваются от преданий. Слабеет защита явного мира с каждым годом тем сильнее, чем больше мужей веру теряют. Ходит в эту ночь Велес между мирами, наблюдает. Ежели увидит кого достойного — поможет, но вмешиваться в наши дела не любит. В Велесову ночь таким, как ты, за порогом ловить нечего. Навь дураков, обиженных да озлобленных, любит. Она ими питается.

“Слишком серьезная девица, — раздраженно думал я, слушая ее, — из тех странных девчонок, которые начитались фэнтези, строят из себя ведьм, а сами боятся темноты и пауков”. Как же я тогда ошибался. Если бы я только знал, что эта “серiousная девица” — единственная, кто сможет удержать мою Душу над краем пропасти.

— Рада, полно тебе, — негромко, но властно прервал ее дед Всеволод, опускаясь обратно на скамью и укладывая загипсованную ногу на специальную подставку. — Ярослав кровь от крови моей. Каков бы ни был, а корни у него здешние. Садись, внук. Слушай, раз в твоём университете тебе об этом не рассказали. Твой Гоголь-то знал, о чем писал, а вот ты пока только по верхам хватаешь.

Дед указал мне на место напротив себя. Рада отошла к печи, прислонившись спиной к теплой побеленной стене, и принялась демонстративно точить небольшой нож с костяной рукоятью. Но я заметил, как она снова с нарастающим беспокойством поглядывает на окна, за которыми сгущалась непроглядная мгла. И отчего-то мне стало не по себе.

— Наш мир, Ярик, — заговорил дед, и его голос словно заполнил избу, став тише и глубже, — лишь один из многих, срединный между низшими и высшими. Высшие миры — это Правь. Миры божественных поконов, миры наших предков, что сотворили порядок из хаоса. Там нет места слабости или лжи, там белый свет и чистая правда. По их законам солнце встает и звезды круг совершают.

Я молча слушал, помимо воли завороченный ритмом его речи. Дед умел говорить так, что любой текст оживал. Внутренний филолог во мне послушно отметил: “Архаичная космогония, трехчастная модель мира - классика”.

— Один из срединных миров — это наша Явь, — продолжал дед, постучав узловатым пальцем по деревянному столу. — Мир плоти и живой крови. Наш мир, где мы рождаемся, любим, совершаем ошибки, приходим к смерти, то бишь к смене мерности, ломаем ноги, — тут дед усмехнулся. — Он осязаем, для нас он велик, необъятен и понятен. Но Явь — лишь тонкая корка на остывающей каше.

Дед зловеще замолчал, взглянув на окно, за которым туман уже окрашивался в синевато-серые, сумеречные тона. Моя пластиковая тыква на подоконнике сейчас выглядела убогой и смехотворной.

— А “под” Явью лежит Навь, – прошептал дед Всеволод. – Низшие миры сущностей. А те из них, что живут у черты, чертями зовутся. Мир мертвых. Тех, кто не смог подняться к предкам, утяжелив Душу материальным грузом – привязкой к вещам, плоти, власти, своим “хочу”. Тех, кто, позабыв о совместной с предками вести, что сейчас совестью кличут, предназначение свое жизненное не выполнил, которое каждому еще до рождения назначено. Там нет времени, нет солнца. Там властвует вечная зима и сырость. И держит баланс между мирами живых, мирами богов и мирами мертвых Велес – Бог мудрый и грозный, повелитель диких лесов, скота и тайных путей – хозяин границ. Раз в лето открывает он двери, чтобы наши предки пришли в Явь, провели свой род, погрелись у нашего огня и благословили своих детей.

Дед наклонился ко мне ближе, и я увидел, как в его зрачках отражается блеклый свет угасающего дня.

— Но нельзя в срединном мире открыть лишь одну дверь. Для лада – баланса, как сейчас любят говорить, – открывает Велес обе. И вместе с Дедами “сверху”, Ярик, через открытые ворота “снизу” лезет и всякая шваль. Навьи твари, голодные духи, черти, заложенные покойники, потерявшие свой лик, черные ведьмы да колдуны. Им нужен наш свет, им нужна наша живая кровь, чтобы согреться. Никогда не заговаривай с незнакомцами на перекрестках после заката в эту ночь. Перекресток – это скрещение путей живых и мертвых. Тот, кто зовет тебя оттуда, обратно уж не отпустит. И если ты встречаешь эту ночь со злостью в сердце, если ты обиду в себе носишь и забыл своих предков, если для тебя это просто маскарад – ты остаешься один на один с темнотой. Без щита.

— И что же делает этот ваш «щит»? – спросил я, пытаюсь вернуть голосу былую иронию, но вышло как-то хрипло и неубедительно.

Рада у печи негромко фыркнула, не отрываясь от своего ножа.

— Щит – это память крови, городской, – отрывисто бросила она. – Твои предки – это не просто штрихи в генеалогическом древе, которые ты, небось, и не знаешь дальше третьего колена. Это сила, которая стоит за твоей спиной. Твой прадед пахал эту землю, его отец защищал ее с оружием в руках. Они пролили свою кровь и пот, чтобы ты сейчас сидел здесь, такой ухоженный, обиду свою лелеял и умничал. В Велесову ночь они возвращаются. И если они видят, что их потомки помнят их, уважают их поконы – они встают живой стеной между тобой и тем, что крадется из леса. А если кто-то понавыставлял пластиковых тыкв и устроил маскарад... Что ж, тогда предки просто не могут помочь тому, кто в них не верит, кто их не помнит. И Навь забирает то, что ей принадлежит по праву.

Дед Всеволод глубоко вздохнул и потянулся за костылями.

— Ладно, хватит речей. Время пришло – солнце почти село. Рада, носи Родовую Свечу из чулана, будем готовить дом к помину. А ты, Ярослав... седи тихо, да смотри внимательно, что делать будем. Начинается Велесова ночь.

ГЛАВА 2. СМАРТФОН

Воздух в избе будто сгустился, став плотным и наэлектризованным от напряжения. Дед Всеволод попросил Раду принести Родовую Свечу, а сам отвлекся, перебирая в ящике стола старые льняные фитили. Воспользовавшись моментом, я тихо поднялся, чтобы вернуть на место потрепанную дедовскую тетрадь, которую листал накануне, и случайно заглянул в полуприкрытую дверь чулана.

Рада стояла там, спиной ко мне, перед низким деревянным ларем. Родовая Свеча уже лежала рядом на куске холста, но девушка не спешила возвращаться. В ее руках была книга – маленькая, в кожаном переплете. Пальцы Рады дрожали. Она судорожно, почти в панике, листала пожелтевшие страницы, словно пытаясь найти ответ на нерешаемую задачу.

— Бабушка... – едва слышно, сдавленно прошептала она в темноту чулана. – Ну почему ты ушла так рано? Если что-то пойдет не так и я ошибусь, то мы все погибнем.

В ее тихом голосе не осталось и следа прежней надменности – только глухое отчаяние сироты, на которую внезапно рухнула неподъемная ноша. Надменная Ведающая оказалась напуганной девчонкой, чья наставница умерла внезапно, оставив внучку один на один с Навью.

Услышав тяжелый вздох деда в комнате, Рада вздрогнула, резко захлопнула книжицу, спрятала ее в потайной карман косухи и подхватила свечу. Я едва успел отпрянуть назад к столу, делая вид, что увлечен своим сажающимся ноутбуком.

Когда она вернулась, лицо ее снова было каменным, но я уже видел трещину в этой броне.

Она развернула ткань, и на стол лег желтовато-бурый брусок воска высотой с ладонь. Он не был ровным – казалось, его лепили руками, спешно, оставляя глубокие вмятины от пальцев. По всему восковому цилиндру тянулись странные темные прожилки, похожие на высохшие нити грибницы или капилляры. От этой свечи пахло не церковным ладаном, а медом, болотным торфом, горьким дымом костра и чем-то похожим на металл.

— Это Родовая Свеча, – тихо произнес дед Всеволод, и его пальцы бережно легли на восковой бок. – Ее слепил еще мой прадед, когда этот дом оставил деду. В этот воск замешана земля из пограничного леса и капли крови каждого первенца нашего рода. Она – наш маяк в Навью ночь. Пока свеча горит, предки видят дорогу к родному огню, а живые укрыты от жадного глаза тьмы.

Я сидел на лавке, поджав ноги, и чувствовал, как обида, пожиравшая меня весь день, медленно сменяется раздражением. После того, что я подсмотрел в чулане, весь этот антураж казался мне еще более абсурдным – двое взрослых, почему-то испуганных людей просто прячутся от темноты за старыми сказками. Я чувствовал себя единственным зрителем плохо поставленного спектакля. А мой ноутбук, оставленный на краю стола, тускло светился серым экраном – зарядка садилась. Как назло, электричества не было с самого утра, и было неизвестно, появится ли оно в ближайшее время.

— Дед, ну какой Велес, какая Навь? – я попытался вернуть себе привычный тон уверенного в себе студента. – Мы в двадцать первом веке живем. Я филолог, я все эти мифические образы в дипломе расписываю как элементы психологической компенсации древнего человека перед лицом неизведанной природы. Ну, Гоголь это красиво поэтизировал, согласен. Но...

Рада резко обернулась. В полумраке избы ее зеленые глаза казались совершенно темными, почти черными. Напряжение, которое она пыталась скрыть, теперь выплескивалось на меня яростью.

— “Компенсация”? – выплюнула она это слово, словно оно было отравленным. – Ты, городской, поменьше бы словами инородными бросался. Природа у него неизведанная. Да природа – это меньшее из того, о чем стоит нам сейчас беспокоиться. Ты сидишь здесь, в тепле, со своей пластиковой ерундой на подоконнике, и думаешь, что мир обязан крутиться вокруг

твоего диплома? Ночь пришла, Ярослав. Если не умеешь слушать, то научись хотя бы сидеть и молчать.

— Рада, не шуми, – дед Всеволод примирительно поднял руку. – Ему в городе голову латынью да вымыслами забили, откуда ему знать, как земля дышит, когда солнце засыпает. Помоги лучше свечу затеплить.

Я лишь покачал головой и шумно вздохнул. В кармане пропищал телефон. На экране светилось предупреждение: “Осталось 5% заряда”. Вот черт. Без телефона я тут вообще взвою – ни конспекты полистать, ни музыку послушать.

— Я сейчас, – я вскочил со скамьи, вспомнив, что в бардачке машины лежит портативный аккумулятор. – Быстро добегу до машины, аккумулятор заберу и вернусь.

— Не смей! – дед Всеволод попытался резко встать из-за стола, но забыл про сломанную ногу. Тяжелый гипс глухо стукнул о половицу, дед поморщился от боли и повалился обратно на лавку. – Ярик, сынок, стой! Солнце за лес ушло. Чужих во двор пустишь!

— Дед, да машина в трех шагах от двери! – раздраженно бросил я, уже хватаясь за ручку и распахивая дверь. – Я пулей. Туда и обратно. Ничего со мной твоя Навь не сделает за тридцать секунд.

Последние слова я уже договаривал с крыльца.

Холод ударил в лицо так резко, словно меня окунули в прорубь. Воздух Рубежного, еще пару часов назад просто прохладный, стал ледяным, пахнущим плесенью и гнилью. Туман стоял такой плотный, что очертания моего хэтчбека, припаркованного прямо у забора, едва угадывались.

Я сбегал по ступенькам крыльца. Трава под кроссовками хрустела, покрытая инеем, хотя термометр в машине днем показывал плюс пятнадцать. Разом вспомнились все слова, что я услышал недавно. И эти воспоминания сжали сердце страхом, нет – ужасом.

— Быстрее, быстрее, – бормотал я, подбегая к калитке и проклиная свою привязанность к смартфону. Жили же люди раньше без него, и я бы денек мог протянуть.

Я рванул дверцу машины, залез рукой в бардачок и нащупал спасительный пластиковый прямоугольник пауэрбанка. Экран телефона в этот момент мигнул в последний раз и окончательно погас. Черное зеркало. Захлопнув дверцу машины, я повернулся, побежал обратно к дому и... замер от скрипа.

Калитка, которую я забыл закрыть за собой, сейчас была приоткрыта. Деревянное полотно уныло покачивалось на ржавых петлях, хотя ветра не было. Вообще. Тишина стояла такая, будто мир накрыли огромной подушкой. Не шуршали листья, не лаяли деревенские собаки, которые обычно были на каждый шорох, не было ни единого звука.

А прямо за калиткой, на размытом перекрестке двух деревенских дорог, кто-то стоял.

В тумане фигура казалась неестественно высокой и громоздкой. На человеке был старый, грязный тулуп, вывернутый мехом наружу – так деревенские мужики иногда ходят на охоту или в хлев в сильные морозы. Большая лохматая шапка была нахлобучена на самый нос, скрывая лицо. Человек стоял неподвижно, лицом к дому деда.

— Эй, земляк, – мой голос сорвался на хрип. Сердце вдруг сделало тяжелый, болезненный толчок в груди. – Вам чего? Дед Всеволод приболел, если что. Не принимает сегодня.

Фигура медленно, как-то деревянно качнулась с носка на пятку. Из-под вывернутого меха тулупа раздался глухой, сиплый звук, похожий на скрип старого дерева, перемалываемого бурей.

— Подвези, парень... – донеслось оттуда. Голос шел словно не из человеческого горла, а из глубокого колодца. Так звучит эхо, отраженное от воды и мокрых стен – утробно, дрожаще, замогильно. – До тракта подвези... Замерз я. Машина-то у тебя хорошая, быстрая. Подвези...

Я сделал один шаг вперед, ведомый глупой городской привычкой быть вежливым. Но в ту же секунду в голове, словно набат, зазвучал ровный, размеренный голос деда, который

говорил мне пару часов назад: “Никогда не заговаривай с незнакомцами на перекрестках после заката в эту ночь. Перекресток – это скрещение путей живых и мертвых. Тот, кто зовет тебя оттуда, обратно уж не отпустит”.

— Нет, – выдохнул я, пятясь назад к крыльцу. – Не подвезу. Бензина нет. И вообще, я... некогда мне.

Существо у перекрестка вдруг дернулось. Оно сделало шаг вперед, вступая в полосу блеклого света от окон избы, и я почувствовал, как у меня волосы на голове зашевелились от дикого, первобытного ужаса.

Это был не человек.

Его вывернутый тулуп распахнулся от движения, и под ним не оказалось одежды – там было переплетение серых, сухих, покрытых лишайником и мхом ветвей, которые шевелились и скрежетали друг о друга. Из середины этого “тела” высунулась третья рука, протянувшаяся в мою сторону. Но самое страшное было выше. Лохматая шапка съехала набок, и я увидел его лицо.

Хотя нет – лица не было. Была сплошная, обтянутая бледной, как береста, кожей поверхность, посреди которой располагался один-единственный, огромный, мутный глаз. Он не имел зрачка – внутри него постоянно вращалась какая-то желто-оранжевая, гниlostная жижа. И этот глаз смотрел прямо на меня с леденящим торжеством.

Лихо Одноглазое. Хтонический ужас из бабкиных сказок, который мой мозг отказывался принимать, но который сейчас стоял в трёх метрах от меня и тянул свои сухие, корявые пальцы к моей груди. “По семь пальцев на трех руках?” – мелькнула на задворках сознания мысль.

— Ярослав... – проскрипело существо, и его единственный глаз расширился, заполняя собой все мое зрение.

Я закричал – дико, по-детски, теряя остатки городского самообладания. Рванулся назад, споткнулся о выступающую ступеньку крыльца, растянулся на грязных досках. Пауэрбанк вместе с телефоном вылетел из рук. Сзади, со стороны перекрестка, раздался страшный хруст – нелюдь ломанулась за мной, неестественно быстро переставляя свои длинные конечности. Двор наполнился шорохами, шепотом и звуками сотен маленьких шагов, будто из леса за Одноглазым хлынула целая армия невидимых тварей.

Я вскочил, ударился плечом о косяк, влетел в избу и со всей силы захлопнул тяжелую дубовую дверь, со стуком вогнав массивный засов в пазы, и только сейчас заметив на нем вырезанные искусной рукой отпечатки медвежьих лап и все те же перевернутые буквы “А”.

Я стоял, прижавшись спиной к двери, сердце колотилось так, что казалось, ломает ребра. По лицу катился ледяной пот. В избе было темно, только Родовая Свеча на столе, которую дед и Рада успели зажечь, горела ровным белым пламенем.

Рада медленно подошла ко мне. Ее лицо в белом свете казалось вырезанным из мрамора. Она посмотрела на мои дрожащие руки, на испачканные в грязи модные джинсы, а затем перевела взгляд на дверь.

— Ты калитку закрыл, филолог? – тихо, сокрушительно-спокойно спросила она.

Я попытался сглотнуть слюну, но ее не оказалось во рту, и покачал головой.

— Нет... Я... Оно там. Одноглазое. Оно шло за мной.

Рада медленно закрыла и открыла глаза, и я увидел, как сжались ее челюсти. На секунду ее маска безразличия дала сбой – я заметил, как задрожал подбородок, а в глазах блеснул первобытный страх. Она повернулась к деду Всеволоду, который сидел на лавке, бледный как смерть, крепко сжимая в руках старый деревянный оберег в виде медвежьей лапы с длинными когтями.

— Печать двора порвана, дед, – сказала Рада, и голос ее сорвался. Почему-то потерянное ею хладнокровие вселило в меня еще больший ужас. – Он впустил их во двор. Они уже здесь.

В ту же секунду снаружи, прямо в толстую дубовую дверь, раздался тяжелый, дробный удар. По избе прошелся глухой, зловещий гул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.